

Иероним Иеронимович Ясинский

Гриша Горбачев

Иероним Ясинский

Гриша Горбачев

«Public Domain»

1893

Ясинский И. И.

Гриша Горбачев / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1893

«Гриша сидел в своей комнате, увешанной стеклянными ящиками с мотыльками, книжными полками, горкой с минералами и украшенной лошадиным черепом, и читал, при открытом окне, историю философии Льюиса. Он недавно окончил гимназию, и ему хотелось поступить на естественный факультет. Гриша мечтал о славе натуралиста, презирал стихи, полагая, что он уж вышел из детского возраста, когда только и можно заниматься такими пустяками, и следил за внутренней политикой...»

© Ясинский И. И., 1893

© Public Domain, 1893

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Иероним Ясинский Гриша Горбачев

I

Это было в июне 1868 года.

Гриша сидел в своей комнате, увешанной стеклянными ящиками с мотыльками, книжными полками, горкой с минералами и украшенной лошадиным черепом, и читал, при открытом окне, историю философии Льюиса¹.

Он недавно окончил гимназию, и ему хотелось поступить на естественный факультет. Гриша мечтал о славе натуралиста, презирал стихи, полагая, что он уж вышел из детского возраста, когда только и можно заниматься такими пустяками, и следил за внутренней политикой.

В семье Гришу считали умницей; мать советовалась с ним, что делать против зубной боли и ломоты в ногах; отец находил, что он чересчур предаётся чтению, и по временам спорил с сыном, чтоб убедиться, насколько Гриша образованнее его; сестры с благоговением посматривали на лошадиный череп, белая поверхность которого была вся расписана таинственными латинскими названиями, вроде: *os frontis*, *processus mastoideus*² и проч.

Гриша был так серьезен, что не признавал танцев. Он смеялся даже над любовью. Последнее мать ставила ему в большую заслугу. Она хотела, чтоб из ее сына вышел профессор; отцу приятнее было бы, если бы Гриша стал со временем министром.

Гриша был высокий юноша с бледно-смуглым лицом и темными курчавыми волосами. Он слегка занимался своею наружностью, конечно, не для того, чтобы влюбить в себя Настеньку Тонкову или Верочку Звереву, но потому, что некоторая предумышленная растрепанность прически и некоторая живописная небрежность костюма придавали его внешности научный вид.

Пока Гриша читал Льюиса, все более проникаясь презрением к метафизике, в соседней комнате семнадцатилетняя сестра его, Катя, играла в четыре руки со своим женихом, Мишей Подгоровым. Потом она стала петь, а Миша подтягивал ей баском. День склонялся к вечеру.

Младшие члены семьи бегали на дворе перед окном натуралиста и, под предводительством стриженного под гребенку Александра, брали приступом, с криками «ура», погреб. Забравшись на ветхую крышу, там и сям обросшую зеленым мохом, Александр махал жестяною саблей и победоносно водружал в щели драничек черно-желтое знамя. Много раз брал он крепость, кричал, свирепел и тумачами водворял дисциплину среди войска.

В калитку вошел Ардальон Петрович Селезнев в щегольском сером пиджачке, в цилиндре и палевых перчатках. Ему уже было лет под сорок. Это был хозяин большого бакалейного магазина, образованный купец, искавший в общении с молодыми интеллигентными людьми пищи для ума. С Гришей он познакомился на охоте, проникся особенным уважением к его познаниям и ждал, что юноша разрешит ему какие-то проклятые вопросы. Проклятые вопросы мешали даже процветанию торговли Ардальона Петровича. Дела его шли скверно, и, кстати, весной он овдовел. Даже домашнее хозяйство его пришло в упадок.

– Горбачев, здравствуйте! Что вы читаете? А, бытие равно небытию! Бросьте!.. Я пришел к вам по хорошему делу.

– Войдите!

¹ Льюис Джордж Генри (1817–1878) – английский литературный критик и философ, автор «Истории философии в биографиях» (русский перевод 1865 г. – «История философии от начала ее в Греции до настоящего времени»).

² лобная кость, сосцевидный отросток (*лат.*).

– Нет, я постою здесь. Несколько слов... К черту философию!

– Льюис доказывает тщетность умозрительного метода и бесполезность трансцендентных силлогизмов, – заметил Гриша.

– Ей-богу, натошак не выговорю! Дадите потом почитать? Я люблю иногда занестись в облака... У меня теперь такая книга, такая книга!.. Милочка, Горбачев, я женюсь!

– Поздравляю вас. Популярная книга.

Селезнев рассмеялся.

– Обрезал! Что значит умная голова! Но – атанде-с. Я к вам о просьбой. Ну, что вам за охота летом сидеть в городе! Поезжайте в деревню. Там природа, естествознание? сырой материал. Хотите иметь урок?.. До пятнадцатого августа сто рублей.

Гриша захлопнул Льюиса и сказал:

– Хочу.

– Урок у богатейшего купца, на лоне фауны и флоры – у моего будущего тестя, Ивана Матвеевича Подковы. Коля остался на третий год в классе, его надо приготовить в другую гимназию. Бойкий и способный мальчишка. Так вы принимаете?

– Еще бы!

– Прекрасно. Только я вам поставлю маленькое условие: друг мой, будьте у меня шафером.

– Я еще никогда не был шафером, – проговорил Гриша, покраснев от удовольствия, потому что почувствовал себя взрослым человеком.

– О, не трудная материя, батюшка! Фрак мы достанем.

– Дело в том, что я не признаю фрака, – начал Гриша.

– Без фрака неловко. Ну, может, в деревне сойдет. Поверьте, я уважаю искренние убеждения современной молодежи!

Селезнев крепко пожал Грише руку.

– А препятствия со стороны фатера и мутерхен не будет? – спросил он, понизив голос.

– Мне кажется, что я уже в таких летах, – возразил Гриша.

– Разумеется! Пустой вопрос. Так когда же? Не правда ли, чем скорее, тем лучше? Я думаю, через три дни вы будете готовы. Я дам вам письмо, и вы можете ехать на моих лошадях. Хотите, я покажу карточку невесты?

Он вынул из бокового кармана шагреновый портфель и, приятно улыбаясь своими бритыми губами (он носил американское жабо), бережно протянул Грише карточку молодой девушки с круглым лицом и двойным подбородком.

– Красота! – поспешил он прибавить. – Коса – черный поток, глаза – звезды. Но, к сожалению, фотография не передает их блеска. Говорят, со временем, дойдут до натуральных цветных снимков. Прогресс шагнет вперед. Заметьте, Горбачев, – полнота в соединении с юностью. Моя Саша совсем дитя. Нет еще шестнадцати лет, но архиерей разрешил. Чему вы улыбаетесь?

– Вы – и влюблены! – произнес Гриша, возвращая Селезневу карточку.

– Отчаянно и бесповоротна. Если б я не боялся сломать цилиндр об окно, я бы расцеловал вас. Вы образованный, прочитали все книги и сама будете писать, но, голубчик, надо прожить с мое, чтобы постигнуть, что такое любовь. Изю всех вопросов – самый проклятый!

Поговорив о любви и еще раз возвратившись к уроку и благам привольной деревенской жизни, Селезнев стал прощаться с Гришей.

– Ах, голубчик, я забыл! – начал он. – Философии не надо, а лучше дайте какую-нибудь умную книжку. Вон, что у вас лежит на столе? Дарвин? Позвольте Дарвина. О происхождении человека? Вот мне как раз... Предпринимая серьезный шаг в жизни, должно подготовиться к нему. Тяжеловесный том! Ума-то сколько, я думаю, ума! Да-с, Чарлз Дарвин не то, что какой-нибудь Ардальон Селезнев. Так вашу руку, сэр! Через три дня!

II

Рано утром с дребезжающим стуком подъехал к воротам квартиры Горбачевых тарантас Селезнева. На козлах сидел одноногий николаевский солдат в изорванной, но тщательно вычищенной шинели и с рядом медалей и крестов через всю грудь. Звали его Степанычем. Он служил сторожем у Селезнева, но в чрезвычайных случаях мог быть кучером.

Тарантас был наполнен картонками и ящиками с карамелью, с стеариновыми свечами и проч. Жених посылал невесте несколько модных шляпок и, по просьбе будущей тещи, предметы, необходимые в хозяйстве. На дрогах тарантаса позади помещался сундук с провизией, а поверх сундука лежал запас сена и овса. Деревяшка солдата, подкованная блестящим на солнце железом, упиралась в кулек.

Гриша снаряжился в дорогу. Мать и отец вышли на улицу проводить его. Елена Михайловна сама положила подушку в тарантас и, когда сын сел, благословила его. Гриша со снисходительной улыбкой принял благословение и крепко поцеловал у матери руку, а отцу только пожал. Сестра Катя и маленькие дети еще спали.

Степаныч задергал вожжами, и тарантас покатил, поднимая пыль.

– Смотри, Гриша, не простудись, – кричала Елена Михайловна. – Может быть, там река, так ты не купайся один и, пожалуйста, не ныряй! Да зачем ты ружье взял? Служба, возьми ружье к себе на козлы. Береги молодого барина!

Тарантас скрылся за углом. Лошади мелкою рысцой побежали по большой дороге, окаймленной столетними березами и вербами. По временам лошади вязли в песке. Степаныч слезал с козел и, прихрамывая, шел рядом с тарантасом. Он заводил разговор с Гришей, предлагал ему курить и рассказывал о купце Подкове, к которому он ездил недавно нарочным от Ардальона Петровича.

– Живут в Ярах хорошо! Кормят на убой. Одно слово – купцы. Теперь возьмем сало, крупу, всякий приварок – хочешь не хочешь, а уж такое положенье, чтобы люди были сыты. Солонины, свинины – собаки не едят; птиц – выбирай любую. Но уж работу требуют. Ты, брат, ешь, но пот давай. Потрудись. Ты хоть поясницу вывихни, а сделай, что приказано. Подкова – человек аккуратный, строгий! Как принялся сына бить, что твой ротный командир. Заслужил – получи и помни: за битого двух небитых дают.

– Как же ты, Степаныч, хвалишь его? Он просто самодур.

– А хвалю! если ты сын, моей утробой рожденный, и притом смеешь вопреки? Нет, ангел мой, не моги. Для чего я тебя родил, друг мой любезный? Для послушания.

– У тебя были сыновья, Степаныч?

Солдат долго молчал, ковыляя на деревяшке. Наконец он сказал:

– Два сына. Но как я находился на действительной службе двадцать пять лет, то своими их не признал по военной причине.

– Как так, Степаныч? – о улыбкой спросил Гриша.

– Всего вам знать нельзя. Больно молоды.

– Неужели, Степаныч, ты считаешь меня мальчиком?

Степаныч не взглянул на Гришу и переменял разговор.

– Клюет.

– Что клюет?

– Я говорю, гнедой пристал маленько. Привал сделаем на Сорочих хуторах.

До Яров оставалось еще двадцать верст. Отдохнув на постоялом дворе, тарантас пустился в дальнейший путь, и к двум часам он въехал в громадный двор, посреди которого возвышался красивый каменный дом под соломенной крышей. Это было имение Подковы, купленное им несколько лет назад с публичных торгов у дворян Мурзакевичей. Тарантас остановился у глав-

ного подъезда, на крыльце показались девчонки и бросились сносить вещи. Гриша взбежал по ступеням крыльца, и в передней его встретил толстый человек в затрапезном длиннополом сюртуке из летней шерстяной материи, сам Подкова. У него была седая бородка и прямые черные волосы, падавшие с одного бока на его красное расплывшееся лицо. Маленькие глаза ласково и плутовски сияли в жирных красноватых веках, и он улыбался, протягивая руку молодому человеку. Но, как он ни протягивал, все она была короче живота.

– Вам письмо, – начал Гриша.

– Хорошо, читаем. А скажите, благополучно ехали? Не устали с дороги? Есть хочется? Сегодня мы вас не ждали, и обед плохой. Но как, немного вы кушаете? Если немного, то бог нам поможет вас накормить. Пожалуйте, кстати, садитесь за стол.

– Дунька, что глаза выпучила? Что такое? А, макароны, свечи! Ардальон Петрович не из своего магазина отпустил? Товар у него дрянь. Неси Прасковье Ефимовне. Давайте, я вас обчищу. Ишь, пыль!

Он повернулся боком, чтобы не притиснуть молодого человека к стене, и стал рукой счищать пыль с его плеч.

– Славно и чисто. Живо, живо!

Подкова ввел Гришу в большую залу с богатым старомодным убранством. В раскрытые стеклянные двери виднелся балкон и сад. Другие двери направо вели в столовую, где был накрыт стол и поодаль, в ожидании главы дома, сидела на большом кожаном диване вся семья.

Она состояла из красивой чернобровой жены лет тридцати пяти и из двух дочерей – взрослой девушки, в которой Гриша узнал невесту Селезнева, и другой – подростка, темноглазой девочки с подрезанными вьющимися волосами и в коротком платье. Мальчик, лет пятнадцати, в затасканной гимназической блузе, поджав губы, с сосредоточенным видом прицеливался и ловил мух.

Семья о чем-то болтала, но с появлением Ивана Матвеевича все замолчали и встали с дивана.

– Колькин учитель... Как вас, позвольте узнать? Григорий Григорьевич? У меня брат в монахах, так тоже Григорий. Познакомьтесь: моя супруга, дочери, а вот балбес.

Он осенил себя широким крестом, поднял глаза к иконам, вздохнул и занял место. Жена села против него. Колька – рядом с подростком, которую звали Ганичкой, а Грише пришлось сесть возле невесты Ардальона Петровича. Девчонка, служащая у стола, торопливо поставила ему прибор.

Прасковья Ефимовна степенно спросила Гришу о городских новостях, об Ардальоне Петровиче, о папаше и мамаше. Прасковья Ефимовна лично их не знала, но справилась о них из любезности.

Иван Матвеевич ел с таким аппетитом, как будто он не обедал три дня. Обед был обильный, жирный. Подавали кашу с салом и яйцами, баранину с чесноком, кур с рисом и несколько сортов оладий. Квас и вино стояли в стеклянных кувшинах. Иван Матвеевич обтирал рот рукой. Глаза его потухали по мере того, как он насыщался. Лицо становилось багровым, и он только вздыхал. Вздох начинался тонким фальцетом – Иван Матвеевич точно захлебывался; вздох походил на клочкотанье кузнечного меха и, наконец, как дыхание бури, вырывался из груди.

– О, господи, помилуй мя, грешного! – шептал тогда Иван Матвеевич, вперял пристальный взгляд в тарелку и, подождав, вновь принимался за еду.

Глядя на Сашу, нельзя было сказать, что ей еще нет шестнадцати лет; стройные формы девичьего тела уже начинали исчезать под наплывом наследственного расположения к полноте. Румяные щеки угрожали в скором времени превратить ее черные яркие глаза в две узенькие щелочки. Руки ее, белые как сахар, все были в ямочках, и на высокой шее обозначились складки: лет в тридцать у Саши будет не два подбородка, а три или четыре. Кисейная рубаха

и красный сарафан придавали ей сходство с молоденькою кормилицей. Она сидела, потупив длинные, темные ресницы и стараясь, не поворачивая головы, рассмотреть быстрыми взглядами, бросаемыми искоса, приезжего молодого человека. Он уловил один из таких взглядов – она покраснела.

Кроме Ивана Матвеевича и Прасковьи Ефимовны, никто не возвышал за обедом голоса. Ганичка украдкой улыбалась сестре и тихонько смеялась в салфетку. Коля искусно поймал муху на плече у сестры и зажал в кулак, прислушиваясь к ее жужжанию.

– Григорий Григорьевич, после обеда не отдыхаете? – начал Подкова. – У нас сонное царство. Встаем мы ни свет ни заря, а днем сны видим. Дорога-то, я думаю, утомила!

– О нет, нисколько, – отвечал Гриша и подумал, что его гораздо больше утомил обед.

– Пока вам приготовят флигель, вы будете спать вгостиной, – сказала Прасковья Ефимовна. – Постель дадим хорошую.

– Как отдохнете, – продолжал Иван Матвеевич, – сделайте Кольке экзамен. А к занятиям – неделку спустя, Обвыкнете, соберетесь с силами – и жарьте. Я вам скажу, Колька – дубина. В кого только уродился!

Колька застенчиво улыбнулся, словно шла речь об его редких достоинствах.

– Сегодня я спросил: семьдесят да пятьдесят – сколько? А он – сто пятьдесят.

Застенчивая улыбка раздвинула рот Кольки до ушей, и он усиленно стал нажимать пальцем на стол. Муха освободилась из плена, покружилась над его головой и села ему на нос. Он опять поймал ее.

Прасковья Ефимовна проводила Гришу в гостиную, где стояла мебель, обитая желтым шелковым штофом.

– Ничего, что шелк, – смеясь, сказала Прасковья Ефимовна, – диван для спанья широкий и удобный; я все жду, когда истреплется штоф, потому что ненавижу желтый цвет. Это выдумка еще Мурзакевичей. Но что прикажете делать, нет сноса штофу.

Вслед за Прасковьей Ефимовной вошел в гостиную Иван Матвеевич, совсем сонный.

– Табак – курите. Ну, жена, уходи. Спать! Спать!

Ш

Гриша остался один. Он расстегнул чемоданчик и достал Льюиса. Через полчаса к нему должен был явиться Колька, а теперь мальчика отпустили побегать для пищеварения.

Солнце бросало в гостиную горячие лучи. Гриша спустил штору и сел в тени. Ветерок слегка колебал полотно. Но вдруг штора сильно сотряслась – кто-то ударил по ней веткой. Гриша приподнял край и увидел на террасе Сашу. Она держала длинный стебель ириса.

– Извините, я вас испугала, – негромко сказала она. – Вы читаете?

– Да.

– Я тоже люблю читать. Вчера всю ночь я читала «Доктора воров» Анри де Кока³.

– Я не читаю романов, – сказал Гриша.

– Отчего не выйдете в сад? У нас все будут спать до пяти часов.

– Жду Колю. Он должен прийти.

³ *Кок Анри де* (1821–1892) – французский писатель, автор бульварных романов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.